

До сегодняшнего дня, как бы близки они ни были, всё же оставались старшими и младшими соучениками. Хотя у Гу Цзыцзю и водились грешные мыслишки, он позволял себе лишь полюбоваться да пару раз прикоснуться – в конце концов, у него не было на это законного права.

Теперь же право появилось. Гу Цзыцзю сидел плечом к плечу с Дуань Шаобо. На глазах у множества людей они, хотя и следовали велению чувств, не преступали рамок приличий, но всё равно в этой близости ощущалось нечто особенное, чего не было даже в самые сокровенные моменты прошлого.

Раздался лёгкий перезвон, и на облаках спустилась группа практикующих дев. Они запели, заиграли на музыкальных инструментах и закружились в танце. Все они происходили из терема Рассеивающих Густые Туманы – секты, состоявшей исключительно из женщин. В обычное время даже добиться встречи с одной из этих фей считалось редкой удачей, ныне же они выступали здесь, и бессчётное множество практиков не могло отвести от них глаз.

Однако среди фей тоже нашлась одна пара прекрасных глаз, неотрывно смотревших в одну точку. Это была не кто иная, как фея Нефритовой Росы Су Сяое, однажды встретившаяся с Гу Цзыцзю более ста пятидесяти лет назад на собрании Закона Изумрудной Яшмы во дворце Багрового Снега.

Сейчас лицо Су Сяое скрывала вуаль. Она легко перебирала струны цитры, и её неземная, чарующая мелодия привлекала внимание множества практиков. Лишь Гу Цзыцзю не удостоил её ни единым взглядом.

Повернувшись к Дуань Шаобо, он весело беседовал с ним, а под столиком их пальцы тесно переплелись.

И Су Сяое была здесь не единственной знакомой.

– Друзья по Пути, это Безароматное вино, сваренное моим наставником, патриархом Бай Лином из секты Бурных Волн. Прошу вас отведать и оценить его.

Перед Гу Цзыцзю и Дуань Шаобо внезапно появился практик золотого ядра в обычных одеждах

ученика секты Бурных Волн, державший в руке кувшин вина.

Увидев пришедшего, Дуань Шаобо собирался подняться, но Гу Цзыцзю по-прежнему не выпускал его руки. На мгновение замешкавшись, он всё же встал, и их крепко сцепленные ладони показались из-под столика.

– Младший соученик И, давно не виделись.

Одной рукой Дуань Шаобо не мог отдать приветствие, поэтому лишь кивнул пришедшему – И Чжэню.

Этот младший соученик, в прошлом потерявший культивацию и лишившийся возможности продолжать путь практика меча, после ухода из города Цинпин, похоже, обрёл иные счастливые возможности. Теперь он стал даосским практиком золотого ядра. Только вот... его наставником оказался патриарх Бай Лин, терпеть не способный практиков меча, тогда как сам И Чжэнь был бывшим практиком меча. В этом явно скрывался некий глубокий смысл.

– Рад видеть тебя в добром здравии, – поприветствовал его Гу Цзыцзю и тоже кивнул.

И Чжэнь уже не походил на того человека, каким был прежде. Дуань Шаобо он встретил с улыбкой, однако не стал называть их ни старшим, ни младшим соучеником, обращаясь лишь как к друзьям по Пути. Затем он с горячим радушием сунул кувшин прямо в объятия Дуань Шаобо, развернулся и ушёл.

Едва он удалился, Дуань Шаобо поставил кувшин в дальний угол столика.

Как ни посмотри, этот подарок не сулил ничего хорошего. Однако они находились на землях секты Бурных Волн и присутствовали на праздновании тысячелетнего юбилея её главы, так что лучше было не создавать лишних неприятностей.

Но стоило им сесть, как сбоку к ним подплыл ещё один человек. Его одежды, волосы и брови были белыми, даже глаза отливали серебристой белизной. Это был князь Иньсюэ Цзян Лу.

Подойдя, Цзян Лу сразу же уставился на крепко сцепленные руки Гу Цзыцзю и Дуань Шаобо.

Хотя он практиковал ледяное искусство и от всего его тела веяло зловещим холодом, взгляд теперь словно пылал огнём.

- Братец, сколько же лет мы не виделись!

- И правда немало.

Гу Цзыцзю пришлось подняться снова, однако руку Дуань Шаобо он так и не отпустил.

- А это?..

- Мой спутник Пути, - Гу Цзыцзю приподнял их соединённые руки, повернулся к Дуань Шаобо и улыбнулся. - И мой младший соученик.

Дуань Шаобо шагнул на полшага ближе. Они и без того стояли рядом, а теперь почти прижались друг к другу.

Взгляд князя Иньсюэ Цзян Лу уже не просто обжигал - он полыхал. Прищурившись, тот произнёс:

- Братец, ты так долго искал и в конце концов выбрал именно его?

- Да, именно его. Несравненного красавца, которому нет равных во всём мире...

Нежность в глазах Гу Цзыцзю, казалось, могла превратиться в поток осенних вод и хлынуть наружу.

До сих пор Дуань Шаобо позволял Гу Цзыцзю держать себя за руку и даже сам выказывал близость, но теперь наконец воспротивился. Он пару раз попытался высвободить ладонь, но ничего не вышло, и тогда ему пришлось ткнуть Гу Цзыцзю другой рукой в поясницу.

Гу Цзыцзю с обиженным видом повернулся к нему: он ведь всего лишь говорил правду, отчего же младший соученик недоволен?

Наблюдая, как эти двое переглядываются прямо перед ним, Цзян Лу вдруг погасил жар во взгляде и с интонацией верного названного брата поддразнил:

- Братец совершенно прав. Однако ты нашёл такого возлюбленного и даже словом не обмолвился своему старшему брату. Это поистине меня ранит.

- Тут брат Цзян обвиняет меня несправедливо. Хотя мы уже связали свои судьбы, церемонию ещё не проводили. Придётся подождать несколько лет.

- Прекрасно! Когда наступит срок, я как старший брат непременно преподнесу вам щедрый дар!

Громко рассмеявшись, Цзян Лу удалился.

На этот раз Гу Цзыцзю и Дуань Шаобо нарочно постояли ещё немного. Убедившись, что больше к ним никто не направляется, они наконец сели.

Однако, едва опустившись на место, Гу Цзыцзю заметил, что с Дуань Шаобо что-то не так. Их руки всё ещё оставались сцепленными, Дуань Шаобо по-прежнему смотрел на него, но взгляд его стал немного иным... Не успел Гу Цзыцзю подумать об этом, как тот уже нахмурился.

Неужели ревнует?

При этой мысли Гу Цзыцзю даже слегка взволновался. Его младший соученик был до того мил! Теперь следовало его успокоить?

- Младший соученик, я...

- Старший брат, тебе и вправду пришлось нелегко.

- А?

[Старший брат, моя изначальная янская сущность принесёт тебе немалую пользу. Тогда тебе незачем торопиться и передавать мне культивацию. Достаточно, чтобы я достиг средней ступени Заложения основы и не умер слишком скоро. Когда твоя культивация упрочится, ты сможешь понемногу...]

Гу Цзыцзю поднял руку, схватил Дуань Шаобо за щёку и растянул её так, что его большие глаза превратились в лисьи.

[Мне нужен ты сам. Я хочу наслаждаться с тобой, потому и предложил тебе стать моим спутником Пути. Что ещё значит: «Когда твоя культивация упрочится, понемногу»? Неужели ты не хочешь любиться со мной каждый день?]

Гу Цзыцзю предпочёл бы выкрикнуть эти слова на всю площадь, но обстоятельства не позволяли.

Хотя духовный корень рассвета встречался редко, в качестве корня культивационного сосуда он лишь ненамного превосходил самые обычные духовные корни. Однако у него имелась одна «особенность»: чем выше была культивация его обладателя, тем больше пользы получал тот, кто практиковал с ним парную культивацию.

В первоначальном сюжете таким духовным корнем обладал Сюэ И. Однако пять миллионов иероглифов назад духовный корень рассвета ещё назывался духовным корнем рассеянного яна. Принимая Сюэ И в ученики, патриарх Бай Лин сказал ему: «Твой путь культивации будет тяжёл, но, если достигнешь успеха, это непременно принесёт свои плоды».

Очевидно, изначально автор заложил в историю Сюэ И какую-то интригу, но после пяти миллионов иероглифов стиль произведения внезапно изменился. Чу Цзэюй узнал от юной демоницы из дворца Прекрасных Дев, что обладателя духовного корня рассвета можно использовать как культивационный сосуд. К тому времени он уже рассорился со своим наставником, патриархом Бай Лином, и потому прежние слова получили новое объяснение: якобы патриарх Бай Лин с самого начала возвращал Сюэ И со злыми намерениями. Когда культивация обладателя духовного корня рассвета низка, его ценность как сосуда почти незаметна, но на высоких уровнях он превращается в сокровище высшего класса.

На деле подобное объяснение выглядело откровенно притянутым за уши. Пусть патриарх Бай Лин достиг лишь ступени зарождающейся души, в секте Бурных Волн он обладал немалым влиянием. Если не брать в расчёт самые совершенные культивационные сосуды, разве не мог он получить любой, какой пожелает? Даже если бы он с самого начала открыто растил Сюэ И как сосуд, окружающие лишь сказали бы, что тому неслыханно повезло. Зачем патриарху было

рисковать своей репутацией и тайно, со злым умыслом, растить собственного ученика для этой цели?

И всё же, раз нечто было написано чёрным по белому и никакие внешние силы не вмешались, оно становилось истиной этого мира.

Поэтому сейчас, перед таким множеством людей, нельзя было раскрывать тайну духовного корня рассвета Дуань Шаобо.

От слов Гу Цзыцзю лицо Дуань Шаобо покраснело. Тот обнял его за талию.

[Молчишь? Так ты хочешь быть со мной или нет?]

[Разумеется, хочу.]

[Вот и всё. Ты говоришь – не торопиться. Но для меня мучительно ждать не то что год или полгода, а даже десять дней или полмесяца. Неужели у тебя хватит сердца заставить меня терпеть?]

[Старший брат...]

На лице Дуань Шаобо появилось сложное выражение. Гу Цзыцзю явно заботился о нём, но стоило тому выразить это словами, как начинало казаться, что его старший брат просто похотлив и бесстыден.

– Съешь сахарный боярышник.

Продолжая одной рукой обнимать Дуань Шаобо за талию, Гу Цзыцзю протянул другой связку сахарного боярышника и прижал верхнюю ягоду прямо к его губам.

Дуань Шаобо хотел взять лакомство, но Гу Цзыцзю отвёл руку:

– Я тебя покормлю.

– Здесь столько людей...

Гу Цзыцзю снова немного подвинулся, и теперь Дуань Шаобо уже сидел у него на коленях. А если тот ещё начнёт кормить его сахарным боярышником, тогда это будет совсем...

– Не хочешь, чтобы я тебя покормил? – обиженно спросил Гу Цзыцзю.

– Эх...

Что ещё оставалось делать с тем спутником Пути, которого он сам себе выбрал? Только с улыбкой баловать.

Праздничный пир продолжался целых полмесяца, и все эти дни Гу Цзыцзю с Дуань Шаобо нежничали друг с другом на огромной площади. Большинство присутствующих радовались за них. Подходили и знакомые практики, повстречавшиеся им за время странствий, прямо заявляя, что непременно явятся выпить свадебного вина.

В конце концов они даже назначили день церемонии – седьмой день восьмого месяца через тридцать лет – и прямо на месте попросили бумагу с кистями, после чего написали приглашения.

На пятнадцатый день настал черёд последнего события праздничного пира – великой церемонии принятия учеников в секту Бурных Волн.

Неизвестно, повезло новому поколению учеников или, напротив, не повезло. Поскольку отбор совпал с тысячелетним юбилеем главы и секта Бурных Волн желала продемонстрировать всем практикам своё процветание, доказывая, что каждое следующее поколение превосходит предыдущее, требования к способностям кандидатов были особенно суровы. Зато те, кто прошёл отбор, могли не томиться долгие годы во внешней секте: прямо на этой церемонии их принимали личные наставники.

Чу Цзэюй и двое его спутников, разумеется, тоже оказались среди кандидатов. Только их способности по нынешним меркам считались ниже среднего, поэтому в строю они стояли ближе к концу. Духовный корень небесного яна Чу Цзэюя должен был проявиться лишь после

того, как тот достигнет великого завершения Заложения основы. Теперь же он словно сам скрывал свою чудесную природу, и даже проверка после вступления в секту Бурных Волн могла выявить у него лишь двойной духовный корень металла и огня.

Впрочем, троих это не тревожило. Они уже были вне себя от восторга: им предстояло увидеть столько бессмертных и обрести наставника.

По совпадению место, на котором они стояли, находилось совсем недалеко от столика Гу Цзыцзю и Дуань Шаобо. А «скверная привычка» Гу Цзыцзю постоянно выставлять напоказ свою мечевую ци делала его особенно заметным.

[QAQ Хозяин, дитя судьбы вон там и смотрит прямо на тебя! Прошу... прошу, води себя хоть немного приличнее, ладно?]

[Нет.]

[(:з»∠)]

- Брат Сюэ, Сюсю, тот человек, который сидит вон там, случайно не тот самый практик меча, что вызвал небесное знамение?

<http://bllate.org/book/19889/1985377>